

А.А.Захарова, библиотека
№ 4 пос. Кын.

И ходит по земле былая память. Поселок лесозаготовителей Рябиново

Я родилась в 1950 году в поселке лесозаготовителей Рябиново. Как и все, училась, работала, воспитывала детей. С годами росло желание познать историю моей маленькой родины. Как оказалось, её история – это зеркальное отражение историй спецпереселенческих поселков Вынырок, Кирпичный, Кордон, Мишариха и многих других. Из разных мест Советского Союза наших предков собрала в глухой уральской тайге сталинская коллективизация. Почти два десятка лет они жили на положении полурабов, полузаклученных.

Путь первых спецпереселенцев от родного порога до будущего поселка был долог и труден. Вспоминает учительница Варвара Ивановна Ярыгина (Клюсова), чья жизнь тесно связана с поселком Рябиново:

«Родилась я в 1919 году в деревне Кукуй Абатского района Тюменской области. В 1930 году нашу семью раскулачили, посадили в дровни и повезли в Тобольск на поселение. Брат Алексей только что демобилизовался из армии. По этой причине по дороге нас завернули обратно, правда, не на родину, а в Свердловскую область. Высадили на какой-то станции под открытое небо. Поспешно стали строить временное жильё - бараки, стены которых были фанерными. Заставили сажать картофель. Для его хранения выкопали большое овощехранилище. Зимой женщины были заняты переборкой клубней, а мужчины рыли землянки - одну на две семьи. С нами жила семья Давыдовых. Прозимовали, прошли весна, лето, а осенью нас погрузили в вагоны и увезли на станцию Чусовская, откуда отправили на станцию Кумыш. Мужчин откомандировали строить дома в поселок Вынырок. Некоторые из строивших Вынырок перевезли туда свои семьи. Часть мужчин, среди которых был мой брат Алексей, послали отстраивать поселок Рябиново...

Алексею очень понравились новые места, да и до железной дороги, которая проходила через станцию Кын, было не так уж и далеко, всего 12 км. Вокруг поселка стояла глухая тайга. К 1950 годам поселок окружали обширные поля, разработанные силами репрессированных... Примерно в это же время в Рябиново попадает и семья Алексея Ярыгина, моего будущего мужа. Его семья была раскулачена в селе Огородниково Бавлинского района Тат. ССР...

Брат Алексей Иванович первое время работал коновозчиком. Он подвозил лес к дороге, а там рабочие сортировали комплекты, которые потом увозили на станцию Кын. Через какое-то время рябиновцы избрали брата председателем колхоза, но ему не нравилась эта должность. Лысьвенское начальство постоянно требовало то свежее мясо, то масло. Эти поборы приводили его, человека честного и совестливого, в крайнее расстройство, поэтому он с удовольствием сдал председательские дела Тимофею Хорошильцеву».

Среди первых спецпереселенцев была и Наталья Дмитриевна Хорошильцева. О бесконечных мытарствах своей семьи и жизни в Рябиново она вспоминала:

«Осенью 1930 года мы вместе с другими переселенцами прибыли в товарных вагонах на ст. Чусовская. Отсюда нас отправили на лесоразработки в поселок Октябрьский, расположенный на берегу реки Чизма. Прожитые годы запомнились не столько непосильным трудом, сколько холодом и голодом. Глава семьи Сергей Спиридонович скончался через несколько месяцев по приезде на новое место жительства. В этом поселке мы похоронили своих трех новорожденных младенцев. В 1934 поселок был расформирован. Большая часть выселенцев попала в Лысьвенский район: кто в Мишариху, кто в Вынырок, а многие в Рябиново, на месте которого лежал сваленный лес. Здешняя жизнь мало чем отличалась от жизни в Октябрьском. Без ведома коменданта Зайнуллина, человека весьма злого и агрессивного, жители не могли отлучиться из поселка даже за грибами. Общаться с населением близлежащих деревень нам

запрещалось. Суровое наказание могло последовать за малейшую провинность. За подобранные в поле три мерзлые картофелины меня однажды на трое суток закрыли в холодном амбаре. Чтобы не умереть с голоду, люди ели траву, кору деревьев. Большим событием, всколыхнувшим жизнь поселка, стал арест 30 рябиновских мужиков. Пришли за ними ночью 31 декабря 1937 года. Примерно через год некоторые вернулись домой, в том числе Тимофей, а кому-то в лагерях пришлось отбыть по 8-10 лет. За что их арестовали, мужики так и не поняли.

В июне 1941 года беда пришла уже в каждый рябиновский дом. Мы проводили на фронт старшего сына Александра, которому не было и 18 лет. Весь израненный и больной, вернулся он в конце 1945 года. Встретили его мать, братья Виктор и Анатолий, и маленькая сестренка Мария, родившаяся в 1943 году. Отца он дома не застал: в январе 1943 года председатель сельхозартели был арестован по доносу... Домой он больше не вернулся».

О трагической участи отца со слов матери рассказывала младшая дочь Тимофея Хорошильцева Мария:

«Папа домой больше не вернулся. Маме удалось один раз съездить к нему, но свидание не дали. Тюрьма находилась в логу, и кто-то посоветовал ей подняться на гору рядом: мол, как выведут его на прогулку, ты его и увидишь. Так и случилось. Узнав маму, отец крикнул: «Как ты? Как ребятишки?» - А она ему: «Береги себя!» Тут конвоиры засуетились, на вышках что-то зазвонило, мама бросилась бежать. Через какое-то время до нее дошел слух, что отец заболел, помешался умом, но официально о его смерти нас не известили».

О жизни своих родителей-первопоселенцев вспоминают дети Михаила и Веры Сапрыкиных - Любовь Михайловна и Николай Михайлович:

«Отец практически не вспоминал о тех страшных годах. Родился он в станице Кужорская Краснодарского края. Вся его семья: а это отец с матерью и братья Захар, Николай, сестры Таня, Наталья - были насильно выселены на Урал. Попали они в трудпоселок Рябиново. Его самого, отца и брата Захара арестовали ночью 1937 года. Попали они в Свердловск, где отец и брат Захар умерли. Их похоронили на тюремной площади, сейчас там центр г. Свердловска. Михаила после оглашения приговора отправили этапом на север Пермской области. Гнали этап пешком, кругом вдоль дороги простирался молодой березняк. Все голодные, изможденные... Большинству арестантов страшно хотелось курить и, когда раздавалась команда: «На перекур!», все падали на землю. С ним рядом шел паренек, который все время звал его сбежать на фронт. И ему это удалось: на одном из привалов он, по-пластунски перекатываясь, сумел незаметно откатиться за березняк. Отец рассказывал, что после войны этот человек приезжал в Рябиново, чтобы увидеться и рассказать, как он попал на фронт и воевал до победы».

Мама Вера Федоровна Сапрыкина, по словам дочери, больше рассказывала о своем прошлом, вот только жалеет, что ничего не записывала. «Её девичья фамилия была Котенева. Она родилась в д. Николашкино Тат.ССР в дружной и трудолюбивой семье. Вспоминала, как вставали в 2 часа ночи и шли в поле жать урожай на своей полоске. Приехали за ними ночью на подводах. Разрешили взять с собой самое необходимое: кинули в подводу несколько полушубков, подушек да перину, которую впоследствии отобрали. Вот так вся семья: родители, два брата, Андрей и Петр, сестра Маруся - очутились в г. Краснокамске. Родители после всех переживаний умерли один за другим. Оставшиеся в живых переболели тифом, особенно долго болела Маруся. Братья и сестра после обучения в ФЗО разъехались: Маруся в Самару, Андрей в Башкирию, Петр попал в Грузию. Веру отправили сначала в г. Чусовой, затем по лесоучасткам. Работать пришлось в Старой Мишарихе и в Кирпичном. В Рябиново попала после войны, где и познакомилась с моим отцом Михаилом в 1947 году. Вскоре они поженились и уехали жить на Кубань, на родину отца, однако там его, как отсидевшего 10 лет в лагерях, не

прописывали, да и работы для него не было. Поэтому молодая семья была вынуждена вернуться на Урал в Рябиново».

Так складывался основной костяк жителей Рябиново. Все они были разными, но у всех была одна судьба – неволя. В Лысьвенском городском архиве сохранились хозяйственные книги, которые были заведены на каждую репрессированную семью. На семьи Бойко, Аликиных, Стегний, Ярыгиных, Близнюк, Поповых, Шерстобитовых, Холодняк, Хорошильцевых, Клюсовых, Савченко, Сапрыкиных и другие.

Итак, спецпереселенцы начали строить поселок Рябиново в начале 1930-х годов в 10-12 километрах от железнодорожной станции Кын. Место было выбрано на ровной горе, окруженной с трех сторон речками Солнечной и Бизь, которые через два километра сливались в районе деревни Старый Бизь. Свое название поселок получил от густых зарослей рябины, росшей в округе. Первые спецпереселенцы из-за отсутствия жилья вынуждены были рыть землянки, чтобы пережить суровые зимы. Люди умирали от голода, холода, жестокого обращения коменданта и охранников, скученности в бараках. Откровенной нищете и антисанитарии сопутствовали чесотка, экзема, повальный педикулез. Быстро росло поселковское кладбище. Было много умерших стариков и детей. Голодали страшно, пайки хлеба давали по 100-200 граммов на день или по полтора килограмма муки на неделю. Люди порой совершали обдуманное преступление, чтобы попасть в исправительный лагерь. Там было лучше. Забегая вперед, скажу, что никто из наших земляков не был «врагом народа», никто не совершал тех преступлений, которые им приписывались.

За 15 лет, с 1932 года по 1947 год, в поселке силами спецпереселенцев были построены жилые бараки, бревенчатые дома на две семьи, школа, фермы, конный двор, клуб и другие хозяйственные постройки. Была возведена плотина, сооружена мельница. Все делали своими руками. В Рябиново было место под названием Кирпичный лог, где выжигали кирпич. И сегодня, почти через 80 лет, найденный в земле кирпич не потерял свои свойства: не бьется и не крошится. Однако первые печи жители «били» из красной глины.

На новом месте понемногу обзаводились хозяйством. Разводили скот: коров, овец, свиней, а также птицу и пчел, разбивали огороды, где выращивали овощи, в основном картошку и мелочь: морковь, свеклу, капусту. Дети, если их не привлекали к полевым работам, снабжали семьи грибами и ягодами. Вспоминает Серафима Николаевна Брюхова — Тарасова:

«Вся власть принадлежала коменданту. Без его разрешения не выехать, не сходить в лес.... Мы, дети, уже с 7 лет нанимались работать в колхоз. Когда я подросла, меня направили на лесозаготовки в Кыновской леспромхоз. Очень хотелось учиться дальше, но заключенных никуда не принимали».

Основное население поселка работало на лесозаготовках, которые в то время носили сезонный характер. Большую часть леса рубили и вывозили зимой. Чтобы спецпереселенцы (в поселок приезжали все новые и новые «раскулаченные») не бездельничали летом, в 1930 году было принято решение организовать сельхозартель «Рябиновская», одну из первых в Лысьвенском районе. Рябиновцы стремились стать членами артели, поскольку членство в ней давало узаконенное право каждому двору иметь в личном пользовании от 0,25 га до 0,35 га земли под сад и огород, а также 1 корову, до 2 голов молодняка, 1 свинью с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное число птицы, кроликов, ульев. Вступившие в артель должны были внести денежный взнос от 20 до 40 рублей на двор.

Идеологическую подоплеку по созданию сельхозартели раскрывают архивные документы. Вот выписка собрания членов сельхозартели «Рябиновская» Бизевского сельского совета Лысьвенского района за 1939 год. Всего на собрании присутствовал 181 человек, в том числе членов артели 108 человек. В протоколе собрания было записано: «Трудящиеся поселка Рябиново добровольно объединились в сельхозартель, чтобы общими средствами производить и общим организованным трудом построить

коллективное, т. е. общественное хозяйство, обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся, обеспечить полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства, создать высокую производительность труда и обеспечить, таким образом, лучшую жизнь колхозника.

Колхозный путь – путь социализма единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные работы по труду, охранять колхозную собственность, беречь колхозное добро, беречь трактора и машины, выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными».

Зажиточными члены артели «Рябиновская» не стали. В годы Великой Отечественной войны те, кто остался в поселке и не попал на фронт, до изнурения работали на лесозаготовках и на колхозных полях. Как могли, они тоже приближали светлый праздник Победы.

В 1947 году государство разрешило репрессированным выезжать из спецпоселков. Сельхозартель, ставшая к тому времени колхозом «Рябиново», стала нерентабельной. Если перед войной в 1939 году в колхозе было 95 трудоспособных человек, то уже в 1947 году осталось всего 23 человека. Лысьвенский городской Совет принял решение о ликвидации сельхозартели. Вот архивная запись из решения горсовета: «По колхозу «Рябиново» осталось 8 семей с 8 трудоспособными, которые все перешли на работу в ОРС Кыновского мехлесопункта».

Но возвращались в Рябиново солдаты с фронта, прибывали молодые рабочие из районов, разоренных войной, обзаводилась семьями местная молодежь. На базе ликвидированного колхоза было организовано подсобное хозяйство, которым руководил Иван Поликарпович Аликин, человек умный, требовательный, хозяйственный, с природной смекалкой. Под его руководством выращивали большие урожаи картофеля, огурцов, лука, турнепса, капусты. На полях сеяли овес, рожь, пшеницу. Выращивали на силос кукурузу, подсолнечник, горох.

На фермах откармливали свиней, поголовье которых доходило до 150 штук, с которыми управлялись две свинарки. В коровниках стояли три группы коров по 12-16 голов в каждой. Ухаживали за животными доярки Елена Иванюта, Анисья Голышева, Валентина Мельцина. Молоко тут же сепарировали, масло, мясо отправляли в столовые ОРСа.

Послевоенная жизнь рябиновцев сохранилась в моей памяти. По-прежнему большинство населения поселка занималось лесозаготовками. Тяжелый, изнурительный труд был у рабочих, занятых ручной валкой и вывозкой леса. Мой отец Алексей Александрович много лет работал вальщиком леса. Чтобы в лесу не тонуть в глубоком снегу, он по вечерам плел лапти. Были и стахановские бригады. За стахановский труд моей маме Анне Тимофеевне был выделен кусок материала.

Так как родители целыми днями работали, за нами, детворой, присматривала бабушка по маме Марина Пименовна Мошева. Она жила вместе со своей младшей дочерью Настей на Средней улице. При доме стоял конный двор, где бабушка исполняла обязанности конюха. Еще до войны она овдовела и одна вырастила троих детей. Единственного сына Ивана забрали на фронт в 17 лет. Вскоре на него пришла похоронка. Труд женщин в годы войны был просто непосильным. Однажды на бабушку напал племенной колхозный бык. Он так ее искромсал, что все думали, что ей не выжить. Несколько месяцев бабушка лечила саму себя. Сейчас, в настоящее время, ее бы называли народной целительницей.

К ней постоянно шел народ, в основном женщины. Мы, детвора, сидя на большой печке, наблюдали, как бабушка лечит женщин. Лечила она «надсаду» почти у каждой женщины. Если пуп не вставал на место, бабушка массажировала живот руками, смазанными хозяйственным мылом и вкручивала в область пупка веник. Мы с интересом смотрели, как веник начинал вздрагивать, пульсируя вверх, вниз и, в конце концов, падал на пол. Это обозначало, что пуп встал на место. Поправляла она животы и у беременных, если ребенок неправильно лежал. Рожали деревенские бабы в банях, многих рябиновских

ребятишек приняла на свои руки Марина Пименовна. Тут же в бане, вымыв ребенка, пеленала его крепко специальным свивальником, чтобы, не дай Бог, ребенок не взмахнул ручкой и не напугал сам себя. Ребенок мог сосать грудь матери только ночью, утром она убегала на работу. На день грудничку нажевывали хлеб с сахаром, заворачивали в марлечку, и ребенок сосал хлеб до прихода матери. В свободное время бабушка ткала половики на большом станке. К большим праздникам она варила солод из пророщенных зерен ячменя и варила пиво.

Из репрессированных помню наших соседей стариков Федора Миленко и его жену Домну Ивановну. Домна Ивановна ходила, согнувшись, но всю работу по дому, по двору она выполняла сама. Когда всходила картошка, она тщательно пропалывала огород, тогда как местные жители не делали этого совсем.

Напротив нас жил Василий Бойко с женой Дусей, детей у них не было. От первого брака с Марией Огульчанской у него в Кыну росли двое детей: Александр и Галина. Запомнились эти люди, как крепкие хозяева: держали скотину, пчел. Огороды их были в идеальном порядке. Они выращивали в нашем суровом климате огурцы, были большими тружениками.

До 1950-х годов в домах единственным освещением были простые керосиновые лампы. Позднее появились более усовершенствованные лампы, в которых стекло надежно пряталось под каркасом, и их можно было носить и подвешивать за ручку. В поселке имелась своя дизельная электростанция. Первое электричество подавали вечерами до 12 ночи. В домах стали появляться проигрыватели, радиоприемники, а первый телевизор появился в семье Марии Тимофеевны Бурьловой, молодой продавщицы магазина.

В конце 1950-х годов в поселке ненадолго активизировалось строительство. Сносились старые дома, наспех построенные первопоселенцами, рубились новые добротные избы. Поселок состоял из трех улиц, которые для удобства называли Нижняя, Средняя и Верхняя.

Многие семьи, особенно многодетные, вселялись в большие просторные квартиры, для приезжих семей построили 5 финских сборных домиков. В народе их называли щитовыми. Стала развиваться социальная сфера. Были построены новая школа, детский сад, клуб, магазин, пекарня, медпункт. Центром культуры поселка был клуб. Со ст. Кын на лошади приезжал киномеханик. Он привозил новые кинофильмы. Местная художественная самодеятельность состояла из школьников и жителей поселка. Часто в клубе выступала кыновская самодеятельность. В клубе работала передвижная библиотека, которой заведовала Анна Андреевна Стежина. В школе, в кабинете В.И. Ярыгиной, также имелась небольшая библиотека.

Семьи в поселке были в основном многодетными. Наибольшее количество детей было в семьях Шаравиных, Мохоновых, Ивана и Алексея Терехиных, Хорошильцевых, Деменевых, Ивана и Андрея Катаевых, Ёлоховых, Стёжиных. В этих семьях было от пяти до девяти детей.

Второй мамой для рябиновских детей была учительница Варвара Ивановна Ярыгина. Хорошо помню, с каким волнением мы, ребята, готовились вступать в октябрята и в пионеры. Старшие братья вырезали из картона звездочки и обшивали их красным материалом. Школьная жизнь была насыщенной и кипела ключом. Наш класс учила молодая учительница Людмила Павловна Сердюк. Возле школы она с ребятами соорудила спортивную площадку, на школьном огороде выращивали овощи и красивые садовые цветы. К сожалению, её мужа направили работать в Кын, поэтому Людмиле Павловне пришлось перейти работать в Кыновскую школу.

Варвара Ивановна проработала в школе до 1969 года – года закрытия поселка и еще 10 лет учила детей в поселке Мишариха. Её муж до выхода на пенсию работал и продавцом местного магазина, и трактористом, был начитанным человеком, обладал прекрасной памятью, помнил и пересказывал содержание многих книг. Варвара Ивановна неоднократно избиралась депутатом Лысьвенского городского Совета народных

депутатов и Кыновского сельского совета, вела большую общественную работу. Многих ребят эти учительницы вывели в большую жизнь. У самой Варвары Ивановны дочь Валентина окончила Уфимский авиационный институт. Высшее образование получили почти все дети из семьи Шаравиных, а дочь Мохоновых, Валентина Александровна, до выхода на пенсию работала учителем географии в поселке Кормовище. Много лет она была завучем этой же школы.

...Но постепенно поселок угасал. По официальной статистике, в 1969 году в Рябиново проживало 245 человек. Подсобное хозяйство постепенно приходило в упадок, лесосырьевая база истощилась, жители понемногу стали разъезжаться. В 1969 году власти приняли решение ликвидировать поселок. В связи с этим решением жители начали переезжать в поселок Кын, где для них была построена улица Калинина. Несколько семей уехали в поселки Мишариха и Рассоленко, в Кунгур. Поколение 1950-1960-х годов обосновалось в основном в г. Лысьве, где многие получили трудовые профессии в училищах города.

Рябиново... Уже давно нет этого поселка. На его месте вплоть до 2005 года находились сенокосные угодья бывших рябиновских жителей. Хотя и жили они в 12 км от родного поселка, а сено для коров продолжали косить на родине. К этим временам многие уже были пенсионерами, поэтому мужская половина с удовольствием жила там весь сенокосный сезон. Директор Кыновского ЛПХ Петр Андреевич Штейников каждый год на время сенокоса выделял машину, на которой можно было уехать на покос и вечером вернуться в п. Кын. Несколько лет в Рябиново стояла пасека Кыновского ОРСА, которой руководил Александр Иванович Мохонов. Сохранился в бывшем поселке только пруд, но из-за бездорожья в настоящее время попасть на автотранспорте туда практически невозможно. Однако внуки бывших поселян приезжают на родину предков, чтобы поклониться этим местам, своей малой родине.

Дни детства - далекие дни -
Голодными, звонкими были.
Пусть бедно, но честно мы жили.